

Not, you

231

ОЧЕРКИ И КАРТИНЫ

ВОСТОЧНЫХЪ ПРАВОВЪ.

ST. VLADIMIR'S SEMINARY LIBRARY

575 SCARSDALE ROAD

CRESTWOOD, TUCKAHOE, N. Y. 10707

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА».

Больш. Подъяч., № 39.

1877.

Внѣстѣх

DS

328.2

.V35

18778

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 декабря 1876 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	1
I. Домъ и дворъ	3
II. Семейная жизнь	12
III. Женщины	20
IV. Одежда и украшенія	45
V. Пища	64
VI. Попойка	71
VII. Табакъ и наркотическія вещества	79
VIII. Баня и омовенія	98
IX. Школы	108
X. Образованіе	123
XI. Праздники	132
XII. Пилигримы и пилигримство	141
XIII. Дервиши	157
XIV. Высокая Porta въ Константинополѣ и ея столпы	172
XV. Караваны	189
XVI. Базары и базарная жизнь	201
XVII. Христіане и евреи	208
XVIII. Типы мусульманскихъ народовъ	229
XIX. Современные мусульманскіе цари	241
XX. Пословицы и поговорки	255

КАРТИНЫ ВОСТОЧНЫХЪ ПРАВОВЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ интересѣ, напечатанныхъ мною до сихъ поръ очерковъ изъ жизни мусульманской Азіи, подлежащія страницы должны были бы появиться не *послѣ*, но *до* изданія моего «Ислама въ девятнадцатомъ столѣтіи». Почти половина моихъ этюдовъ набросана была болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, отчасти даже во время моего пребыванія на Востока, но я долго откладывалъ полное изданіе отдѣльныхъ этюдовъ¹⁾, такъ какъ думалъ отказаться, въ виду моего незначительнаго описательнаго таланта, отъ обработки сюжета, за который бралось уже не одно перо.

Если все таки я рѣшился на эту попытку, то тому содѣйствовали слѣдующія обстоятельства. Во первыхъ дружеское приглашеніе, исходившее съ компетентной стороны, дѣйствовало слишкомъ поощряющимъ образомъ, чтобы я могъ противустоять этой попыткѣ. Во вторыхъ, я давно работаю надъ корнесловіемъ тюрко-татарскихъ нарѣчій и, хотя это занятіе — анатомическое разчлененіе самыхъ замѣчательныхъ изъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ языковъ — способно сильно приковать къ себѣ вниманіе, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что небольшая прогулка изъ сферы теоріи въ область практики благотворна для ума и души, такъ какъ ничто такъ не укрѣпляетъ и не придаетъ столько силъ, какъ освѣжающее вліяніе пріятной перемѣны. Въ третьихъ, всякій, кто въ теченіи своихъ юныхъ и зрѣлыхъ лѣтъ долго жилъ въ Азіи и въ точности изучилъ страну и людей, возмимѣетъ желаніе изобразить тѣ нравы и обычаи, которые нѣкогда питали его любознательность и возбуждали къ себѣ высокій интересъ своимъ страннымъ, нер-

¹⁾ Изъ нихъ три или четыре напечатаны въ венгерскихъ англійскихъ и нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ.

обычнымъ характеромъ, особенно, если воспоминаніе о нихъ сохранилось и въ позднѣйшіе годы во всей своей свѣжести.

Такова краткая исторія происхожденія моихъ «Картинъ нравовъ», и согласно ей я прошу судить мою книгу. Поставивъ своей задачей избѣгать всего тяжеловѣснаго, я передавалъ въ своихъ новѣйшихъ очеркахъ воспріятыя въ свое время впечатлѣнія въ возможно неподкрашенной и правдивой формѣ, и если мнѣ приходилось обращаться два или три раза въ цѣлой книгѣ къ чужимъ источникамъ, то лишь въ такихъ случаяхъ, когда новыя изслѣдованія дополняли мои собственные наблюденія. Вѣрный своему девизу: *utile dulci*, я старался и въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ моихъ сочиненіяхъ, заинтересовать популярнымъ изложеніемъ возможно большій кругъ читателей. — Азія, повидимому, въ скоромъ времени сдѣлается тою частью земнаго шара, гдѣ жаждущей дѣятельности Европѣ предстоитъ разрѣшить въ высокой степени важныя историческія, культурныя и соціальныя проблемы, почему необходимое разсѣивать туманъ и расширять болѣе и болѣе знакомство съ восточными нравами и обычаями.

Буда-Пештъ, 15 Апрѣля 1876.

Г. В.

I.

Домъ и дворъ.

«Дворецъ калифовъ сіялъ золотомъ и мраморомъ, великолѣпная мозаика украшала стѣны и полъ, непрерывно бьющіе фонтаны и каскады распространяли пріятную прохладу, располагая своимъ журчаніемъ къ освѣжающей дремотѣ. Роскошныя вьющіяся растенія и тѣнистыя деревья служили мѣстопробываніемъ безчисленному множеству пѣвчихъ птицъ. Потолки комнатъ, испещренные мозаикой, блестяли золотомъ и красками, богато одѣтые рабы въ ярко-цвѣтныхъ шелковыхъ тканяхъ наполняли дворецъ, а во внутреннихъ покояхъ жили красивѣйшія женщины въ мірѣ». Такъ описываетъ А. Ф. Кремеръ, остроумный и ученый авторъ «Исторіи Культуры Востока», калифскій дворецъ омеядовъ въ Дамаскѣ. Въ подобномъ или еще болѣе живонисномъ свѣтѣ выставляются блескъ и великолѣпіе дворцовъ знаменитыхъ мусульманскихъ царей древности, и въ этомъ нѣтъ нисколько преувеличенія, такъ какъ роскошныя постройки мавровъ въ Испаніи, аббасидовъ въ Багдадѣ и тимуридовъ въ центральной Азіи и Индіи—единственны въ своемъ родѣ и вполне достойны глубокаго изумленія со стороны потомства. Но ошибочно, однако, заключать, при видѣ прошлаго величія и роскоши востока, о всеобщности этихъ признаковъ благосостоянія и богатства, и еще ошибочнѣе судить о состояніи современнаго востока по этимъ древнимъ памятникамъ роскоши. Нынѣ востокъ есть лишь историческое понятіе, и какъ гордо возвышаются внушительные еще въ своихъ развалинахъ памятники архитектуры Сулейманіи, Герать, Самаркандъ, Агра, надъ окружающими ихъ жалкими хижинами, иллюстрируя печальное сказаніе о «царѣ и нищемъ», такъ рѣзокъ контрастъ

между прежнимъ и нынѣшнимъ востокомъ, такъ широка пропасть между созданиемъ нашей вскормленной въ юности на арабскихъ сказкахъ фантазій и грустною дѣйствительностью, представляемой настоящимъ востокомъ.

Обыкновенно говорятъ, когда рѣчь заходитъ о легкихъ тонкихъ деревянныхъ зданіяхъ Стамбула, что турки лишь раскинулись лагеремъ въ Европѣ. Я полагаю, что можно идти далѣе и, обобщивъ эти слова, сказать, что всѣ жители Азіи располагаются лагеремъ, ибо жилища ихъ, даже въ главныхъ городахъ магометанскихъ странъ, выстроены ли они изъ дерева или изъ кирпича и булыжника, не могутъ быть названы «домами» въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Въ западныхъ магометанскихъ странахъ, именно тамъ, гдѣ архитектура и комфортъ византийцевъ оказывали сильное вліяніе на мусульманскихъ завоевателей, тамъ, по крайней мѣрѣ, внѣшній видъ дома соотвѣтствуетъ нѣсколько европейскому понятію этого слова. Этажи со множествомъ большихъ, близко отстоящихъ другъ отъ друга оконъ, выходящихъ на улицу, крыши, балконы, ворота, — все напоминаетъ западъ, но, повторяю, только по наружному виду, ибо, при входѣ во внутренность жилища, мы снова увидимъ передъ собой голый оріентализмъ. Вездѣ страшная пустота, но чѣмъ просторнѣе помѣщеніе, чѣмъ больше въ немъ пустоты, тѣмъ лучше чувствуетъ себя его обитатель, вкусъ котораго въ этомъ отношеніи рѣзко выразился поговоркой: «Лучше получать побои въ удобномъ, просторномъ жилищѣ, чѣмъ хорошую пищу въ узкой комнатѣ». Вся мебель, даже у самыхъ богатыхъ людей, состоитъ изъ одного дивана, примыкающаго къ тремъ стѣнамъ, и если бы иногда полъ не покрывался тонкими коврами, то подобное жилище показалось бы европейцу совершенно необитаемымъ. «Вы европейцы», часто приходилось мнѣ слышать, «до такой степени переполняете свои комнаты мебелью, что вамъ почти негдѣ двигаться». Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы восточный житель свободнѣе двигался въ своемъ жилищѣ, чѣмъ мы. Онъ сидитъ, скорчившись, въ углу своего дивана, и только глазъ его любитъ просторомъ громадной комнаты. Подобнаго рода жилище не можетъ назваться ни уютнымъ, ни удобнымъ, ни красивымъ, и даже гигиеническимъ условіямъ соотвѣтствуетъ оно лишь въ извѣстномъ отношеніи. Если дѣтомъ оно представляетъ много пріятныхъ сторонъ, то зимой оно невыносимо, и еще теперь меня охватываетъ ужасъ, когда я вспомню о тѣхъ холодныхъ зимнихъ дняхъ и вечерахъ, которые я проводилъ въ Стамбулѣ въ домахъ бывшихъ министровъ. Тепло, рас-

пространное мангаломъ (жаровней), достаточно лишь 'для одѣтаго въ шубу восточнаго жителя, но, оно быстро выходитъ чрезъ тонкія деревянныя стѣны, и не разъ случалось мнѣ утромъ собирать съ своего одѣла сѣтѣ, проходившій чрезъ стѣнныя щели и окно, подлѣ котораго стояла моя кровать. Только въ новѣйшее время, напимъ западной культуры вызвалъ нѣкоторыя переиѣны въ домахъ знатныхъ турокъ. Появились кушетки, стулья, кресла и столы, но больше, однако, ради моды, чѣмъ для употребленія, ибо мягкое сидѣнье миндера, (матрацъ дивана, приблизительно въ 4 фута ширины), служить для восточнаго жителя гораздо болѣе удобнымъ мѣстомъ отдохновенія, чѣмъ стулъ, сидя на которомъ онъ не можетъ поджать подъ себя ногъ, но долженъ свѣсить ихъ, а это утомляетъ и держитъ его въ напряженномъ состояніи, отчего стулъ и получилъ названіе «франкскій колъ».

Но мѣрѣ удаленія отъ Турціи внутрь Азіи, наружный видъ дома теряетъ красоту и пріобрѣтаетъ, наконецъ, характеръ той напѣренной занущенности, которая вызвана съ одной стороны гаремнымъ бытомъ, а съ другой, необходимостью вѣчно дрожать предъ произволомъ властей. Тамъ, гдѣ, вслѣдствіе преувеличенной и ложно понятой нравственности, женскій полъ боязливо избѣгаетъ чужаго взора и гдѣ богатство и довелись служить главными поводами къ притѣсненіямъ, тамъ легко понять, почему жилище снаружи представляетъ лишь голыя, грязныя и размытыя дождемъ глиняныя стѣны, тогда какъ внутри часто убрано роскошно и съ большимъ блескомъ. Такой особенностью отличаются преимущественно нѣкоторые города Сиріи и Персіи, отвѣчающіе до извѣстной степени господствующему на западѣ представленію о древневосточной роскоши и комфортѣ. Поражаешься уже при самомъ входѣ чрезъ узкія мрачныя ворота на первый широкій дворъ, по срединѣ котораго обыкновенно находится продолговатый резервуаръ съ водой. Особенно пріятное впечатлѣніе производятъ маленькіе сады, и хотя въ комнатахъ, расположенныхъ по тремъ сторонамъ двора, замѣчается по прежнему пустота, но за то, нерѣдко, богато изукрашенныя стѣны съ изображеніями цвѣтовъ и птицъ, а въ Персіи и женскихъ фигуръ, носятъ печать истинно восточнаго орнаментальнаго искусства. Старинная мода покрывать потолокъ позолотой и украшать его великолѣпными арабесками и вставными зеркальными стеклами удержалась только внутри Азіи, и какъ въ древнія времена, такъ и нынѣ персы не имѣютъ соперниковъ въ этомъ искусствѣ. Европейца поразитъ также употребленіе въ громадномъ количествѣ раскрашенныхъ гравюръ, прилагае-

нихъ въ нашихъ модныхъ журналахъ, для украшенія персидскихъ салоновъ. Впослѣдствіи я узналъ, что эти гравюры составляютъ предметъ особой торговли.

У сирійцевъ и жителей Туркестана за дворомъ открывается галлерея, называемая *айванъ*, соответствующая персидскому *талару*, большому, устланному коврами залу съ раскрытымъ всю зиму и лѣто окномъ въ передней стѣнѣ, которое со вкусомъ украшено искусной рѣзбой и изъ котораго видны сады и резервуаръ. Здѣсь принимаются гости, исполняются обиденныя дѣла и здѣсь же обыкновенно отдѣлываются отъ всѣхъ заботъ, созерцая по цѣлымъ часамъ зеленый лугъ и волнистую поверхность бассейна, въ духѣ арабскаго двустипія:

«Se lasetun jerilu' min el Kalb el harn».

«El Mai dschari el hadhravat ve sedschih ul husn».

Три предмета выгоняють тоску изъ сердца:

Текущая вода, зеленый лугъ и красивое лицо.

Значеніе воды и луга лѣтомъ равносильно значенію огня зимой. «El nar fakihat esch schita» (огонь есть плодъ зимы) говоритъ арабъ, разумѣя, конечно, огонь въ восточномъ смыслѣ этого слова, ибо этотъ огонь въ нашемъ болѣе суровомъ климатѣ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы отвѣчать своему назначенію. Сидитъ ли европеецъ у мангала или одчака (каминъ), онъ всегда мерзнетъ съ одного бока въ то время, какъ другой на половину превращается въ жаркое, если только онъ не въ шубѣ и не одѣтъ, какъ всѣ восточные жители, въ толстое платье, и если онъ не сидитъ, подобно имъ, по цѣлымъ часамъ на одномъ и томъ же мѣстѣ безъ всякаго движенія, — мука, конечно, еще болѣе невыносимая для европейца, чѣмъ всякій холодъ. Не менѣе страннымъ можетъ показаться для насъ употребленіе *тандура*, — приспособленія, посредствомъ котораго теплота жаровни сосредоточивается на толстомъ, ватномъ одѣялѣ, за которымъ прячется все общество такимъ образомъ, что иногда видны только головы и руки. Тандуръ, тепловой аппаратъ, употребляемый специально женщинами, представляетъ поп plus ultra восточнаго комфорта въ суровое время года. О рукодѣльяхъ или другихъ какихъ либо занятіяхъ не можетъ быть при этомъ и рѣчи; весь день проходитъ въ пѣніи, разговорахъ, снаніи или въ слушаніи сказокъ и рассказовъ о жизни святыхъ.

Хотя на востокѣ домъ, по своему наружному виду и внутреннему

устройству, не может имѣть ни малѣйшихъ притязаній на роскошь и красоту, но нельзя отрицать, что онъ удовлетворяетъ въ большей степени цѣлямъ комфорта и извѣстнымъ гигиеническимъ условіямъ, чѣмъ у насъ на западѣ. Уже одно то обстоятельство, что по всей магометанской Азій каждый живетъ въ особомъ домѣ, есть громадное преимущество предъ казарменной системой большихъ европейскихъ городовъ. Въ этому присоединяются еще другіе выгоды, между прочимъ просторные дворы и изобиліе воды повсюду, гдѣ это только возможно; но особеннаго вниманія заслуживаетъ повсемѣстный на востокѣ обычай устраивать лѣтнія помѣщенія. Перемѣна жилища составляетъ потребность какъ для горожанина, такъ и для бѣднаго обитателя степей. Вездѣ, даже у народовъ, говорящихъ на иранскимъ языкѣ, существуетъ различіе между *яйлакомъ* и *кишлакомъ* (лѣтнимъ и зимнимъ помѣщеніемъ), что лучше всего указываетъ на туранское происхожденіе этого обычая. Въ самомъ дѣлѣ, даже въ настоящее время, турки стоятъ выше всѣхъ народовъ въ дѣлѣ выбора мѣста для своихъ дачъ, равно какъ и ихъ устройства. Хотя отъ восхитительныхъ кіосковъ тимуридовъ въ Зарафшанѣ и Мургабѣ остались лишь историческія воспоминанія и великолѣпныя развалины, но и нынѣ ялисы на берегахъ Босфора единственны въ своемъ родѣ и несравненны по своему изяществу. Отдалившись менѣе, чѣмъ на часъ пути, отъ суматохи и спертаго между цѣлымъ моремъ зданій воздуха, гдѣ, среди томительнаго зноя, почти не колыхнется паутина, вы наслаждаетесь въ ялиѣ свѣжестію сѣвернаго бриза и иногда для защиты отъ него должны одѣться даже въ теплое платье. Но какъ прелестны вечера, что за чудесныя лѣтнія ночи! Нѣтъ болѣе высокаго наслажденія, какъ любоваться въ іюнскій или іюльскій вечеръ съ просторнаго балкона, находящагося у самаго берега моря, волшебною картиною ночи на Босфорѣ. Сіянье высокаго звѣзднаго неба соперничаетъ съ искрометнымъ отблескомъ небесныхъ тѣлъ, глубоко погружившихся въ свѣтлую поверхность моря. Трудно отдѣлаться отъ сладкой дремоты, — дремоты, которая лишь изрѣдка прерывается глухо отдающимися въ глубокой ночной тишинѣ ударами руля убѣгающаго вдалѣ канка или унылыми восклицаніями муэциина, призывающаго къ ночной молитвѣ. «*As salatu chair min al naum*» (молитва полезна сна), раздается со стройнаго минарета. Но добрый муэциинъ, кто сомкнетъ здѣсь глаза, когда и на яву видишь прелестнѣйшіе сны! Если небо облачно, то за отсутствіе звѣзднаго свѣта вознаграждаетъ нѣсколько морское населеніе. Каждая крошечная рыбка оставляетъ за собой свѣт-

дую полосу на своемъ пути по волнамъ, содержащихъ въ изобиліи фосфоръ. Движеніе рыбъ видно, какъ въ акваріумѣ. Кто могъ бы изобразить вѣрными красками картину охоты дельфина или мечарыбы? Съ самаго начала появляется нѣсколько зубчатыхъ свѣтовыхъ лучей; это—движущіяся впередъ острия иглы цѣлой группы убѣгающихъ рыбъ, за которыми слѣдуетъ масса свѣта, какъ бы изливающагося изъ безчисленнаго множества звѣздъ, и, наконецъ, за ними съ быстротою стрѣлы движется колоссальная свѣтовая полоса какой нибудь хищной рыбы, впереди которой повсюду видны дрожащія звѣздочки отъ огромной стаи убѣгающихъ маленькихъ рыбокъ. По цѣлымъ часамъ любовался я этимъ любопытнымъ зрѣлищемъ и причисляю свое пребываніе на Восторѣ (я жилъ лѣтомъ въ теченіи многихъ лѣтъ въ одной виллѣ въ Канлидшіѣ, на азіатскомъ берегу) къ самымъ сладкимъ воспоминаніямъ моей богатой приключеніями и странствованіями жизни.

Отъ пріятныхъ свѣтлыхъ сторонъ нашей картины мы должны теперь обратиться къ сторонамъ мрачнымъ. Я разумѣю господствующее на всемъ востокѣ, особенно въ мусульманскомъ мірѣ, рѣзкое разъединеніе между двумя полами и связанное съ нимъ раздѣленіе дома на двѣ половины. *Гаремъ*¹⁾ и *саламликъ* (особенное, запретное мѣсто и мѣсто для свиданія), какъ говорятъ турки, или *эндерунъ* и *бирунъ* (тамъ и здѣсь), какъ выражаются персы, суть слова, смыслъ которыхъ глубоко чувствуется восточнымъ обществомъ, такъ какъ въ самомъ домѣ они составляютъ камень преткновенія, на который ежеминутно наталкиваешься. У бѣдныхъ людей двѣ половины дома раздѣлены просто перегородкою, а у богатыхъ многими промежуточными комнатами, называемыми *мабейнъ*, которыя считаются какимі то преддвѣріемъ святилища, куда закрыть доступъ для постороннихъ. Только въ случаяхъ болѣзни врачу или другу дозволяется перешагнуть чрезъ этотъ барьеръ, но и въ этомъ случаѣ впереди идущій внукъ долженъ громко возглашать: «*Kimse olmazsin*» (прочь съ дороги). Это значитъ *saive qui rent* для женщинъ, которыя случайно попались бы на дорогѣ. Лишь только раздастся этотъ возгласъ, какъ все внезапно, какъ будто отъ преслѣдованія неумолимаго врага, бросается къ дверямъ или къ какому нибудь потайному мѣсту, и если какой либо женщинѣ не удастся скрыться, то она со страхомъ закрываетъ лицо

¹⁾ Слово гаремъ значитъ женская комната, а въ болѣе широкомъ смыслѣ—міръ женщинъ, женщина. Таковъ же и характеръ нѣмецкаго слова *Frauenzimmer* женщина.

руками и, присѣвъ въ уголъ, обращивается къ пришельцу спиною. Женская половина дома по своему внутреннему устройству мало отличается отъ селамлика, за исключеніемъ развѣ нѣкоторой, вывезенной изъ Европы, мебели и другихъ «франкскихъ» нововведеній, которыхъ болѣе консервативный прекрасный полъ до сихъ поръ старается преграждать доступъ. Хотя эта половина дома требуетъ значительныхъ издержекъ, — ибо гаремъ у лицъ высшаго класса имѣетъ особую кухню, особые кладовыя, особую прислугу, и т. д., что и затрудняетъ главнымъ образомъ вступленіе въ бракъ у мусульманъ, — но она представляетъ сравнительно незначительныя выгоды. Такъ напр., благодаря гарему, можно избѣгнуть посѣщенія какого либо непріятнаго лица, легко ускользнуть отъ грозныхъ поплзновеній дрожащей половины, не покидая дома или не подвергаясь преслѣдованію. Вмѣстѣ съ тѣмъ гаремъ удобенъ въ отношеніи религіознаго притворства; напр. при соблюденіи строгаго поста во время рамазана, когда гдѣ нибудь въ тиши можно хорошо поѣсть, безъ нарушенія приличія и не являясь предъ мужскою прислугою богоотступникомъ. Быть можетъ, гаремъ представляетъ еще другія, для меня неизвѣстныя, преимущества, но всѣ они, конечно, ничтожны въ сравненіи съ тою дисгармоніею, которая порождена этимъ неестественнымъ обычаемъ и которая уничтожаетъ всякую возможность домашняго быта въ нашемъ смыслѣ, всякую внутреннюю связь между супругами и всѣ блага семейной жизни.

Общій характеръ безпорядочнаго, лишоннаго содержанія и связи домашняго быта выражается въ громадномъ штатѣ прислуги, которую держитъ богатый восточный человѣкъ съ цѣлью окружить себя почотомъ, благоговѣніемъ и комфортомъ. Въ обществѣ, гдѣ все пресмыкается и основной тонъ котораго есть подчиненность, трудно указать границу, гдѣ начинается роль слуги. У турокъ во главѣ прислуги стоятъ *кафтанъ алази* и *кайя*. Обязанности перваго, хранителя верхняго платья, какъ показываетъ самое слово, носятъ болѣе служебный характеръ, между тѣмъ какъ послѣднему, управителю по смыслу слова, порученъ высшій надзоръ за домою. Оба они также мало лакеи, какъ майордомъ или дворецкіе на западѣ, хотя оба нажились отъ щедротъ своего господина; часто они даже богаче его и носятъ званіе слугъ больше изъ благодарности, или подъ личиною скромности или приличія, обнаруживая завидное положеніе свое въ рѣдкихъ случаяхъ тѣмъ, что подадутъ иной разъ трубку или стаканъ воды. Непосредственно за ними въ Турціи стоятъ хранители трубокъ, бѣлья, гардероба, а также лица, заботящіеся

о кофе; имъ подчинены другіе слуги, которые въ совокупности составляютъ, даже при самыхъ скромныхъ условіяхъ, весьма значительный штатъ. Но и этого недостаточно для притязательнаго турецкаго комфорта; кромѣ всѣхъ этихъ слугъ, существуютъ еще вольноотпущенные невольники, которые, въ качествѣ приемышей, получаютъ пожизненное содержаніе, и хотя на старости лѣтъ они уходятъ отъ своего господина, но зато въ молодости слѣдуютъ за нимъ неотступно, какъ тѣни, такъ что онъ, — какъ, по крайней мѣрѣ, было въ обычаѣ 20 лѣтъ тому назадъ, — отправляется даже на прогулку въ сопровожденіи 5—8 лѣниво переваливающихся за нимъ слугъ.

Тѣмъ не менѣе турки, въ отношеніи численности прислуги, всегда были скромнѣе и менѣе требовательными, чѣмъ персы, у которыхъ господинъ имѣетъ не только позади, но и впереди себя цѣлую свиту, между тѣмъ какъ люди съ вѣсомъ положительно составляютъ для себя авангарды изъ оборванныхъ, грязныхъ и неполучающихъ жалованья слугъ, которые передъ мирзою или ханомъ шествуютъ въ двѣ шеренги. «Искать счастья» значить въ Иранѣ примкнуть къ свитѣ какого нибудь господина. Это слѣдуетъ понимать буквально, такъ какъ въ городѣ господинъ, находясь между своими слугами иногда въ теченіи цѣлой недѣли, не знаетъ и половины ихъ, не говоря уже о томъ, что онъ не содержитъ ихъ и не платитъ имъ. Драбанты этого сорта идутъ такъ сказать на биржу лишь съ одними своими собачьими наклонностями; по цѣлымъ днямъ стараются они уловить взоръ господина, и если удастся привлечь на себя его вниманіе, то уже является надежда на полученіе опредѣленнаго мѣста. Само собою разумѣется, что жатва соответствуетъ многотрудному посѣву, прогулкѣ съ пустымъ желудкомъ и долгимъ ожиданіямъ. Наемный слуга иногда вѣренъ своимъ обязанностямъ и не чуждъ преданности, но онъ всегда готовъ обогатиться незаконнымъ путемъ на счетъ своего хозяина. Уже на Босфорѣ страннымъ кажется, какъ можетъ хозяинъ совершенно хладнокровно переносить, чтобы его слуга, получающій сотни, проживалъ тысячи и, кромѣ того, строилъ себѣ дома и пріобрѣталъ имѣнія. Но въ Персіи распущенность въ этомъ отношеніи достигла еще большихъ размѣровъ; такъ здѣсь слуга при самомъ наймѣ совершенно свободно и открыто уговаривается насчетъ предстоящаго медахила (незаконнаго дохода). У господина по совѣсти спрашиваютъ, сколько можно у него украсть въ мѣсяцъ? Онъ назначаетъ опредѣленную сумму, но при этомъ также имѣетъ въ виду обмозуть своего слугу.

Если мы спросимъ, какую пользу и какія удобства извлекаетъ хозяинъ изъ этого громаднаго числа оплачиваемыхъ и неоплачиваемыхъ слугъ, то на это въ сущности трудно дать опредѣленный отвѣтъ. Вообще толпа этихъ дармоѣдовъ содержится не столько для личныхъ удобствъ, сколько изъ желанія блистать многочисленностью свиты и прислуги. При этомъ разсчитывается такъ же на то, чтобы приобрести репутатцію покровителя и кормильца голодныхъ и нуждающихся, но не принимается во вниманія, что преслѣдованіе такихъ гуманитарныхъ цѣлей возможно было въ эпоху матеріальнаго благосостоянія мусульманскаго общества и не совмѣстно съ его современнымъ состояніемъ, съ всеобщей бѣдностью и національнымъ упадкомъ. Общество и государство страдаютъ однимъ и тѣмъ же недугомъ: оба набираютъ больше, чѣмъ надо, рабочихъ силъ для своихъ нуждъ, оба дурно содержатъ и оплачиваютъ своихъ наемниковъ и оба поэтому одинаково, по мѣрѣ своего собственнаго упадка, плодятъ паразитовъ ¹⁾.

¹⁾ О прислугѣ въ высшемъ константинопольскомъ обществѣ я подробно говорю въ главѣ: «Высокая Порта и ея столица».